

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

DOI 10.35775/PSI.2026.128.4.010

УДК 321.01:355.21

А.Г. КАГРАМАНЯН

аспирант, Университет мировых цивилизаций

им. В.В. Жириновского, Россия, г. Москва

E-mail: arrovanas@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-2308-7943

М.Р. ДЕМЕТРАДЗЕ

доктор политических наук,

профессор Университета мировых цивилизаций

имени В.В. Жириновского, Россия, г. Москва

E-mail: Demetradze1959@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7676-8054

ИНСТИТУТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА КРИЗИСА И МОДЕЛЬ ПОСТЕПЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье предлагается институциональный анализ кризиса военной службы в современной России и обосновывается реалистичная модель ее постепенной трансформации. Военная служба рассматривается не как административный механизм мобилизации, а как многофункциональный политический институт государственно-общественных отношений. На основе аппарата исторического институционализма (П. Пирсон, Дж. Махони, К. Телен), теории институциональных ловушек и промежуточных институтов В.М. Полтеровича и теории условного согласия М. Леви показано, что современное состояние института представляет собой многомерный институциональный кризис: три взаимоусиливающих структурных противоречия – демографическое, социально-экономическое и военно-технологическое – образуют системную дисфункцию; устойчивое воспроизводство этой дисфункции объясняется механизмом институциональной ловушки; легитимность института подорвана систематическим нарушением трех условий условного согласия. Диагностика типов институциональных изменений через двумерную матрицу Махони и Телен (сила вето-возможностей × дискреция в применении правил) показывает, что в российском контексте реализуемы лишь модальности наслоения и дрейфа, тогда как замещение заблокировано. На этом основании предлагается модель реформы как цепочка промежуточных институтов с горизонтом 10-15 лет, восстанавливающая условия условного

согласия через дифференциацию треков службы и сознательную переориентацию цифровой инфраструктуры; ее реализуемость проверяется зеркальным применением той же аналитической матрицы.

Ключевые слова: военная служба, политический институт, институциональная ловушка, условное согласие, институциональные изменения, промежуточные институты, вето-игроки, институциональная трансформация, комплектование вооруженных сил.

1. Введение. Российский институт военной службы переживает структурный кризис, накапливающийся одновременно по нескольким независимым направлениям. Его эмпирические проявления – массовое уклонение от призыва, коррупционная активность в военно-административных органах, отрицательный социально-экономический отбор служащих, низкое доверие граждан к военной службе как форме исполнения политического долга – фиксируются на протяжении трех десятилетий постсоветской истории института и не разрешаются ни паллиативными законодательными реформами, ни цифровизацией военно-административных процессов. При этом обсуждение этих проблем в российской литературе остается преимущественно описательным или ведомственным; системный политологический анализ военной службы как многофункционального института государственно-общественных отношений практически отсутствует.

Актуальность институционального анализа определяется четырьмя существенно различными процессами, каждый из которых независимо усиливает напряженность вокруг существующей институциональной конфигурации. Демографический процесс – устойчивое сжатие призывной когорты как следствие демографического провала 1990-х годов. Социально-экономический – растущая зависимость экономики от высококвалифицированных кадров, изъятие которых на год службы влечет структурные потери. Военно-технологический – несоответствие массовой унифицированной подготовки характеру современной вооруженной борьбы. Легитимационный – устойчивое восприятие распределения бремени службы как несправедливого. Каждое из этих противоречий по отдельности подталкивает к реформированию; однако в течение трех десятилетий все попытки реформ – от Закона 1993 года [8] и базового Федерального закона № 53-ФЗ [24] до поэтапного расширения контрактной службы с 1996 года [20] и цифровизации военкоматов 2022-2024 годов [26] – приводили лишь к частичным паллиативным изменениям, не разрешающим базовых структурных противоречий.

Само явление устойчивого воспроизводства дисфункционального института вопреки накапливающимся противоречиям требует теоретического объяснения, которого описательная литература не предоставляет. В современной политической науке для анализа подобных феноменов разработан мощный аппарат – исторический институционализм П. Пирсона [37], типология постепенных институциональных изменений Дж. Махони и К. Телен [34], концепции институциональной ловушки и промежуточных институтов В.М. Полтеровича [14; 15],

теория условного согласия М. Леви [33], концепция инфраструктурной власти М. Манна [35]. Этот аппарат пока не был систематически применен к российской военной службе. Цель настоящей статьи – дать институциональную диагностику кризиса военной службы и на ее основе обосновать реалистичную модель постепенной трансформации института.

Основной тезис работы состоит в следующем. Институт военной службы воспроизводится **не вопреки** своей дисфункциональности, а **благодаря** специфической институциональной конфигурации: сильным самореферентным вето-игрокам, высокой дискреции в применении формальных правил и нарушенному условному согласию граждан. В таких условиях трансформация института реализуема только как цепочка промежуточных институтов в режимах постепенных изменений – наслоения и дрейфа, – тогда как одномоментное замещение существующей модели структурно заблокировано.

2. Теоретико-методологическая рамка. Методологической основой работы выступает исторический институционализм, рассматривающий политические институты не как простые правила, выбранные рациональными акторами, а как исторически обусловленные образования с собственной логикой воспроизводства. Базовое разграничение институтов и организаций и концепция инкрементного характера институциональных изменений восходят к работам Д. Норта [12]. П. Пирсон систематизировал механизмы воспроизводства институтов через увеличивающуюся отдачу (накопленные начальные издержки, эффекты обучения, координационные эффекты, адаптивные ожидания) и концепцию зависимости от траектории [37].

Дж. Махони и К. Телен предложили типологию постепенных институциональных изменений – замещение (displacement), наслоение (layering), дрейф (drift) и конверсию (conversion) – и двумерную аналитическую матрицу, связывающую преобладающие модальности изменений с двумя структурными переменными: силой вето-возможностей и дискрецией в применении правил [34]. Принципиальное свойство этой матрицы – ее предиктивный характер: на основе оценки структурных переменных формулируется проверяемый прогноз преобладающих модальностей изменений.

В.М. Полтерович ввел две ключевые для настоящего анализа концепции. Институциональная ловушка – устойчивая неэффективная норма поведения, сохраняющаяся вопреки тому, что ее замена увеличила бы общественное благосостояние; это равновесие, индивидуальный выход из которого невыгоден отдельному актору [14]. Промежуточный институт – институциональная форма, частично соответствующая целевой модели, частично сохраняющая элементы исходного состояния и подготавливающая условия для следующего шага трансформации [15]. М. Леви сформулировала теорию условного согласия, согласно которой устойчивое согласие граждан на исполнение военной обязанности опирается на три условия: справедливость распределения бремени, доверие государству и взаимность обмена между гражданином и государством [33]. Военная служба при этом понимается как многофункциональный институт,

производящий не только военную мобилизацию, но и гражданское признание и политическую идентичность [32; 36]. Историческая связь военной службы с долгосрочным государственным строительством концептуализирована в традиции Ч. Тилли [18].

В работе использованы сравнительно-исторический метод, политэкономический анализ интересов и стратегий акторов военно-административной сферы, теоретико-аналитический метод построения интегрированной концептуальной рамки и вторичный анализ статистических и социологических данных для эмпирической верификации диагностических утверждений.

3. Структурные противоречия современной системы. Демографическое противоречие состоит в структурном несоответствии института массового призыва демографической ситуации XXI века. Численность мужчин 18-27 лет сократилась с 9,8 млн человек в 2010 году до 6,7 млн в 2024 году [6]; демографические колебания, связанные с провалом рождаемости 1990-х годов, будут определять структуру призывного контингента до начала 2030-х годов [3]. Институт, выстроенный под условие демографического изобилия, оказывается в принципиально новой ситуации, в которой каждый изымаемый из гражданского оборота молодой мужчина становится структурно более ценным ресурсом. Качественный аспект противоречия – отрицательное влияние службы на репродуктивные стратегии, прямо противоречащее задачам демографической политики государства [21]: средний возраст вступления в первый брак у мужчин вырос с 27,4 года (2011) до 29,7 года (2023), средний возраст отцовства у мужчин с высшим образованием достиг 31,4 года; 67% мужчин с высшим образованием 25-27 лет откладывают брак до завершения службы, а 34% призванных в этом возрасте сообщают о разрыве отношений во время или сразу после службы – против 19% у не служивших сверстников [7].

Социально-экономическое противоречие состоит в несоответствии института массовой унифицированной подготовки логике накопления специализированного человеческого капитала [9]. По оценкам, ежегодное изъятие около 100 тыс. квалифицированных специалистов влечет прямые потери валового внутреннего продукта в 0,3-0,5%; декартизация специалиста за год службы оценивается в 15-20% его рыночной стоимости [27]. Эмиграционный отток 2022-2023 годов перевел противоречие из латентного в открытое: среди покинувших страну специалистов ИТ-сектора 34% указали факторы, связанные с воинской обязанностью, а в когорте 25-30 лет – до 47% [11]. Паллиативные механизмы смягчения (научные роты [22], ИТ-аккредитация, бронирование специалистов) представляют собой типичное наложение: они охватывают ограниченную часть квалифицированной когорты и порождают собственные дисфункции – произвольность критериев, коррупционные риски, теневой рынок фиктивных трудоустройств.

Военно-технологическое противоречие состоит в несоответствии массовой призывной модели характеру современной вооруженной борьбы. Из 260 тыс. призывников весеннего призыва 2024 года лишь 39 тыс. (15%) получили узкую

военно-учетную специальность, востребованную в современных условиях [13]. Необходимость дифференцированной модели комплектования была обоснована еще в 1995 году М.А. Гареевым, но фактически проигнорирована – что иллюстрирует силу институциональной инерции [5]. В типологии Ч. Москоса Россия остается преимущественно в категории массовой призывной армии (modern military), тогда как характер современных конфликтов соответствует специализированной, технологически интенсивной армии (postmodern military) [36]. Как показывает Э. Коэн, ни одна модель комплектования не оптимальна по всем измерениям одновременно; каждая представляет набор компромиссов между равенством граждан в несении обязанности и военно-технической эффективностью [29].

Принципиально, что три противоречия не изолированы, а взаимно усиливают друг друга: демографическое сжатие повышает ценность изымаемого человеческого ресурса и тем усиливает социально-экономические потери; накопление специализированного человеческого капитала обостряет несоответствие массовой подготовки задачам современной войны; технологизация боевых действий снижает эффективность массовой универсальной подготовки. Эти связи превращают три противоречия в систему. В.М. Полтерович прямо указывает, что попытка решать системные проблемы частными институциональными изменениями есть типичная ошибка реформирования [15]; П. Пирсон концептуализирует подобную ситуацию как конвергенцию медленно движущихся причин разной природы в общем кризисе функционирования института [37].

4. Институциональная ловушка и подрванное условное согласие. Констатация противоречий не объясняет, почему институт сохраняется в дисфункциональном состоянии. Ответ дает концепция институциональной ловушки В.М. Полтеровича, позволяющая концептуализировать современное состояние института не как набор отдельных дисфункций, а как устойчивое неэффективное равновесие, поддерживаемое рациональным поведением каждого актора [14; 15].

Уклонение от призыва в этой перспективе есть **координационная проблема**, а не индивидуальная девиация: для призывника прохождение службы невыгодно (упущенное время в ключевой возрастной период, отсутствие адекватной компенсации, декавалификация), при этом массовость практик уклонения [16] снимает моральный груз индивидуального решения, а отрицательный социальный отбор служащих усиливает восприятие службы как несправедливо распределяемого бремени [4]. Коррупционная активность военно-административных органов рассматривается не как патология, а как рациональная стратегия в условиях ловушки, выполняющая функцию социального амортизатора: она превращает открытый конфликт между формальной обязанностью и массовым нежеланием служить в систему частных, индивидуализированных, торгуемых исключений [15]. Поэтому борьба с коррупцией военкоматов в отрыве от трансформации самого института ведет не к оздоровлению, а к кризису легитимности.

Отрицательный социальный отбор служащих – структурный продукт неравномерного распределения доступа к стратегиям избежания службы: легальные (высшее образование, аспирантура, аккредитованные организации) и неформальные каналы исключения сконцентрированы в группах с относительно высоким уровнем дохода и образования, вследствие чего социальный профиль реально служащих смещается в сторону уязвимых групп, а институт из механизма равной гражданской обязанности превращается в механизм социального исключения [19]. Вокруг практик уклонения сложилась целостная теневая экономика, функционирующая как параллельный институт – устойчивая система правил, ценовых сегментов, репутационных механизмов, обслуживающая массовый спрос на избежание службы [2].

Легитимационное измерение кризиса раскрывается через нарушение трех условий условного согласия М. Леви [33]. **Первое условие** – справедливость распределения бремени – нарушено вследствие отрицательного отбора и устойчивого восприятия системы как несправедливой [4]. **Второе условие** – доверие государству – нарушено на уровне доверия к военно-административной системе (военкоматам, военно-врачебным комиссиям), что необходимо отличать от символического доверия Вооруженным Силам как институту национальной обороны [19]. **Третье условие** – взаимность обмена – нарушено наиболее очевидно: денежное довольствие военнослужащего по призыву символично и несоизмеримо тяготам службы [25], а значимые преференции для отслуживших (в отличие от американского GI Bill, израильской и сингапурской моделей) практически отсутствуют [32]. Одновременное нарушение всех трех условий делает легитимность института зависимой от принуждения и идеологического нарратива, а не от свободного гражданского согласия, что обуславливает его структурную нестабильность. Этот теоретический прогноз эмпирически подтвердился в ходе частичной мобилизации осени 2022 года, функционировавшей как стресс-тест института: накопленное латентное напряжение проявилось быстро и резко при внешнем шоке [37].

5. Диагностика модальностей изменений: матрица Махони и Телен. Интеграцию диагностики обеспечивает применение двумерной матрицы Махони и Телен, оценивающей две структурные переменные российского контекста. Первая переменная – сила вето-возможностей – оценивается как высокая. Конфигурация ключевых вето-игроков (военно-административная бюрократия, военно-промышленный комплекс как структурный бенефициар массовой армии, идеологические институты, профильные парламентские структуры) [10] характеризуется самореферентностью в смысле П. Пирсона: ключевые вето-игроки одновременно являются основными бенефициарами существующего института и держателями институционального права блокировать его изменения [37]. Это делает формальное замещение института практически невозможным без экзогенного шока.

Вторая переменная – дискреция в применении правил – оценивается как высокая. При относительно жестких формальных правилах их реальное

применение пронизано значительной свободой усмотрения: военно-врачебные комиссии располагают дискрецией при определении категории годности, военкоматы – при выборе момента и порядка призыва, механизмы IT-аккредитации и бронирования – при определении соответствующих организаций и должностей. Эта дискреция структурно связана с исторически ограниченной инфраструктурной властью государства на огромной территории [35] и позволяет неформальное приспособление института к практикам ловушки.

Согласно матрице, сочетание сильных вето-возможностей и высокой дискреции предсказывает преобладание модальностей дрейфа и наслоения при заблокированном замещении и ограниченной конверсии [34]. Эмпирическая верификация на материале реформ 2008-2024 годов подтверждает прогноз: расширение контрактной службы [20] классифицируется как наслоение; сокращение срока срочной службы с двух лет до одного года (2008) – как дрейф (формальная обязанность сохранилась, но содержательное наполнение изменилось); научные роты [22] и IT-аккредитация – как наслоение; цифровизация военного учета и институт электронных повесток [26] – как дрейф. Ни одного случая замещения или чистой конверсии в эмпирическом материале не обнаруживается, что подтверждает прогностическую релевантность аналитической рамки на российском материале.

Особого рассмотрения заслуживает цифровизация военно-административных процессов. Сама по себе она не является институциональной реформой, а представляет собой технологический усилитель (**enabler**) различных модальностей изменений – в терминах М. Манна, усиление инфраструктурной власти государства [35]. Усиление инфраструктурной власти нейтрально по отношению к институциональному содержанию: в текущей рамке цифровизация усиливает статус-кво через дрейф и наслоение [17], однако та же цифровая инфраструктура, содержащая данные об образовании, квалификации и состоянии здоровья граждан, потенциально может стать технологической основой дифференцированного распределения по трекам службы. Эта двойственность создает пространство возможностей, которое и используется в предлагаемой модели реформы.

6. Модель постепенной трансформации: цепочка промежуточных институтов. Диагностика задает жесткое ограничение для проектирования реформы: в условиях сильных самореферентных вето-возможностей замещение института заблокировано, а реалистичны лишь модальности наслоения и дрейфа. Этому ограничению удовлетворяет модель, построенная не как одномоментный переход к целевой конфигурации, а как цепочка промежуточных институтов в смысле В.М. Полтеровича – последовательность шагов, каждый из которых реализуется через наслоение или дрейф и подготавливает условия для следующего [15].

Сравнительный анализ международного опыта (Финляндия [28; 38], Израиль [30], Узбекистан [23], США [39], Сингапур [31]) дает не модель для копирования – прямой перенос институциональных форм без учета культурного контекста методологически несостоятелен [1], – а два ориентира. Первый: успешные

модели, при всем их различии, сравнительно успешно соблюдают три условия условного согласия и дифференцируют треки службы по характеру человеческого капитала, обеспечивая взаимность через интеграцию службы с накоплением квалификаций. Второй: переход к полностью добровольной армии (США, 1973) – редкий пример успешного замещения – стал возможен лишь при сочетании острого кризиса легитимности, ослабления вето-игроков и наличия ресурсов [33; 39]; эти условия в российском случае отсутствуют, что подтверждает нереализуемость стратегии замещения. Узбекистанский опыт демонстрирует и возможность легализации альтернативы через наслоение, и связанный с ней риск: монетизация альтернативы службе усиливает нарушение первого условия условного согласия – справедливости распределения бремени [23].

Предлагаемая цепочка трансформации состоит из четырех шагов с горизонтом 10-15 лет. **Шаг 1** (1-4 года) – легализация и систематизация дифференцированных треков службы на основе уже апробированных форм (научные роты, IT-аккредитация); по своей природе это наслоение, не требующее противостояния вето-игрокам, поскольку оно не отменяет принцип всеобщности. **Шаг 2** (3-7 лет) – сознательная переориентация уже создаваемой цифровой инфраструктуры военного учета с контроля призыва на дифференцированное распределение граждан по трекам в соответствии с их человеческим капиталом; это дрейф, переходящий в конверсию [17]. **Шаг 3** (5-10 лет) – реструктуризация системы компенсации и взаимности (дифференцированная оплата и значимые предпочтения для отслуживших), восстанавливающая третье условие условного согласия. **Шаг 4** (10-15 лет) – постепенное перебалансирование институциональной конфигурации в сторону профессионального ядра в рамках уже трансформированной модели; это не замещение, а изменение пропорций, становящееся возможным благодаря накопленным предшествующими шагами изменениям адаптивных ожиданий и специфических активов.

Содержательное ядро модели – система дифференцированных треков, сохраняющая принцип всеобщей воинской обязанности и дифференцирующая лишь формы его исполнения: общевоинской трек (поддержание связи армии с обществом и мобилизационного резерва); трек специализированной подготовки военных специалистов (операторы беспилотных систем, специалисты радиоэлектронной борьбы, связи и информационной безопасности, военные медики), отвечающий на военно-технологическое противоречие; трек ускоренной подготовки резерва из числа состоявшихся специалистов старшего призывного возраста, минимизирующий потери человеческого капитала и негативное влияние на репродуктивные стратегии. Принципиально, что модель сознательно избегает монетизации исполнения обязанности и строит дифференциацию на характере человеческого капитала, а не на финансовой состоятельности гражданина: дифференциация по квалификации, в отличие от монетизации, не создает прямого социального неравенства в доступе к менее обременительным формам службы и согласуется с устойчивым восприятием военной службы как гражданского долга, а не рыночной услуги [1].

Целевая функция модели – восстановление трех условий условного согласия. Справедливость распределения восстанавливается дифференциацией по квалификации, повышением прозрачности правил и сокращением теневой экономики уклонения; доверие государству – сокращением дискреции и связанных с ней коррупционных рисков, повышением предсказуемости траектории службы; взаимность обмена – превращением службы из чистого изъятия ресурса в инвестицию (применимая в гражданской карьере квалификация плюс система преференций для отслуживших). Цифровая инфраструктура выступает именно технологическим усилителем этой трансформации, а не ее заменой: ее политический эффект определяется институциональной рамкой применения.

Реализуемость модели проверяется зеркальным применением той же матрицы Махони и Телен, которая использовалась для диагностики. Первые два шага (наслоение и дрейф) структурно реализуемы с высокой степенью уверенности, поскольку соответствуют предсказанным как реализуемые модальностям и не требуют противостояния вето-игрокам; третий шаг реализуем при наличии бюджетных ресурсов; четвертый – условно, при успешной реализации предшествующих, поскольку замещение становится возможным лишь при предварительном ослаблении вето-возможностей [34], достигаемом здесь не прямым противостоянием, а постепенной демонстрацией работоспособности новых форм. Академическая честность требует признать пределы модели: реформа будет медленной, частичной и оспариваемой и не разрешит полностью структурных противоречий. Самопроверка по типологии болезней реформирования В.М. Полтеровича показывает, что модель избегает радикализма, мономании и волюнтаризма, но сохраняет риск технократизма [15]; критика **actor-centered functionalism** П. Пирсона обязывает учитывать непредвиденные последствия институционального проектирования и предусматривать механизмы мониторинга и корректировки [37]. Поэтапный характер модели является не только стратегией обхода вето-игроков, но и механизмом снижения риска: каждый шаг может быть оценен до перехода к следующему. Принципиально, что альтернатива реалистичной постепенной трансформации – не быстрая радикальная реформа (структурно нереализуемая), а сохранение статус-кво с накапливающимися противоречиями и структурной нестабильностью.

7. Заключение. Проведенный анализ показывает, что современное состояние российского института военной службы есть не сумма отдельных проблем, требующих частных решений, а многомерный институциональный кризис. На эмпирическом уровне он проявляется как система трех взаимоусиливающих структурных противоречий – демографического, социально-экономического и военно-технологического. На системном уровне он концептуализируется как институциональная ловушка – устойчивое неэффективное равновесие, воспроизводимое рациональным поведением каждого актора. На легитимационном уровне он выражается в систематическом нарушении трех условий условного согласия, что делает институт структурно нестабильным. Диагностика через матрицу Махони и Телен показывает, что в российском контексте

реализуемы лишь модальности наложения и дрейфа при заблокированном замещении.

На этом основании обоснована модель реформы как цепочка промежуточных институтов с горизонтом 10-15 лет, восстанавливающая условия условного согласия через дифференциацию треков службы по характеру человеческого капитала (а не через монетизацию обязанности) и сознательную переориентацию цифровой инфраструктуры; реализуемость модели подтверждена зеркальным применением той же аналитической матрицы. Теоретический вклад работы состоит в первом систематическом применении интегрированного аппарата исторического институционализма к российской военной службе и во введении в отечественный оборот современной политологии военной службы (М. Леви, Р. Кребс, Дж. Махони и К. Телен). Практическая значимость связана с возможностью использования полученных выводов при проектировании реформ военно-административной сферы. Зеркальное применение единой аналитической матрицы для диагностики существующего состояния и прогноза трансформации обеспечивает методологическую согласованность предложенного подхода и отличает теоретически обоснованную стратегию реформы от волюнтаристских программных деклараций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аузан А.А.** Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ, 2022. 160 с.
2. **Барсукова С.Ю.** Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 216 с.
3. **Вишневский А.Г.** Демографические вызовы России // Вопросы экономики. 2023. № 10. С. 5-26.
4. Военная служба и отношение российских граждан: данные регулярных социологических опросов 2020-2024 годов / Всероссийский центр изучения общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 2024.
5. **Гареев М.А.** Если завтра война? (Что изменится в характере вооруженной борьбы в ближайшие 20-25 лет). М.: Академия военных наук; ВлаДар, 1995. 238 с.
6. Демографический ежегодник России. 2024: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. М.: Росстат, 2024.
7. Демографическое поведение мужчин призывного и постпризывного возраста: исследование 2023 года / Институт демографии НИУ ВШЭ // Демоскоп Weekly. 2023. № 985-986.
8. Закон Российской Федерации от 11 февраля 1993 года № 4455-1 «О воинской обязанности и военной службе» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 9. Ст. 325.

9. **Капелюшников Р.И.** Сколько стоит человеческий капитал России? // Вопросы экономики. 2012. № 1. С. 36-70; № 2. С. 24-46.
10. **Кокошин А.А.** Армия и политика: Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918-1991 годы. М.: Международные отношения, 1995. 288 с.
11. Миграция квалифицированных кадров из России: тенденции 2022-2024 годов / Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2024.
12. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
13. О результатах деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации в 2024 году: доклад Министра обороны Российской Федерации. М.: Министерство обороны Российской Федерации, 2024.
14. **Полтерович В.М.** Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35, вып. 2. С. 3-20.
15. **Полтерович В.М.** Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 447 с.
16. **Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И.** Социология армии. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 1996. 304 с.
17. Стратегия цифровой трансформации государственного управления / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. М.: Минцифры России, 2024.
18. **Тилли Ч.** Принуждение, капитал и европейские государства, 990-1992 гг. / пер. с англ. М.: Территория будущего, 2009. 360 с.
19. **Тихонова Н.Е.** Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф; Институт социологии РАН, 2014. 408 с.
20. Указ Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 года № 722 «О переходе к комплектованию должностей рядового и сержантского состава Вооруженных Сил преимущественно на добровольной основе – по контракту» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 21. Ст. 2466.
21. Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009.
22. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № 1532 «О создании Центров информационно-аналитических исследований и научных рот при них» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7373.
23. Указ Президента Республики Узбекистан от 10 сентября 2019 года № ПП-4457 «О мерах по совершенствованию системы прохождения военной службы». Ташкент, 2019.

24. Федеральный закон от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.
25. Федеральный закон от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 45. Ст. 6336.
26. Федеральный закон от 14 апреля 2023 года № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru>.
27. Человеческий капитал и национальная оборона: проблемы и перспективы / Институт экономики Российской академии наук. М.: ИЭ РАН, 2023.
28. Asevelvollisuuslaki [Закон Финляндской Республики о воинской обязанности] 1438/2007. Helsinki, 2007.
29. **Cohen E.A.** Citizens and Soldiers: The Dilemmas of Military Service. Ithaca: Cornell University Press, 1985. 227 p.
30. **Cohen S.A.** Israel and Its Army: From Cohesion to Confusion. London: Routledge, 2008. 224 p.
31. Enlistment Act [Закон Республики Сингапур о воинской повинности] 1970 (с последующими изменениями). Singapore, 1970.
32. **Krebs R.R.** Fighting for Rights: Military Service and the Politics of Citizenship. Ithaca: Cornell University Press, 2006. 256 p.
33. **Levi M.** Consent, Dissent, and Patriotism. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 246 p.
34. **Mahoney J., Thelen K. (eds.)** Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 236 p.
35. **Mann M.** The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results // European Journal of Sociology. 1984. Vol. 25, No. 2. P. 185-213.
36. **Moskos C.C., Williams J.A., Segal D.R. (eds.)** The Postmodern Military: Armed Forces after the Cold War. New York: Oxford University Press, 2000. 286 p.
37. **Pierson P.** Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2004. 196 p.
38. **Salonius-Pasternak C.** Finnish Defence: Deterrence and Conscription // FIIA Briefing Paper. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2018.
39. The Report of the President's Commission on an All-Volunteer Armed Force [Gates Commission]. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1970.

A.G. KAGRAMANYAN

PhD Student, V.V. Zhirinovsky University
of World Civilizations, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0004-2308-7943

M.R. DEMETRADZE

Doctor of Political Sciences, Professor,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7676-8054

THE INSTITUTION OF MILITARY SERVICE IN CONTEMPORARY RUSSIA: AN INSTITUTIONAL DIAGNOSIS OF THE CRISIS AND A MODEL OF GRADUAL TRANSFORMATION

The article offers an institutional analysis of the crisis of military service in contemporary Russia and substantiates a realistic model of its gradual transformation. Military service is treated not as an administrative mechanism of mobilisation but as a multifunctional political institution of state-society relations. Drawing on the apparatus of historical institutionalism (P. Pierson, J. Mahoney, K. Thelen), V.M. Polterovich's theory of institutional traps and intermediate institutions, and M. Levi's theory of contingent consent, the paper shows that the present condition of the institution constitutes a multidimensional institutional crisis: three mutually reinforcing structural contradictions – demographic, socio-economic, and military-technological – form a systemic dysfunction; the persistent reproduction of this dysfunction is explained by the mechanism of an institutional trap; and the legitimacy of the institution is undermined by the systematic violation of the three conditions of contingent consent. A diagnosis of the modes of institutional change through the two-dimensional Mahoney-Thelen matrix (strength of veto possibilities × discretion in rule enforcement) demonstrates that, in the Russian context, only the modalities of layering and drift are feasible, whereas displacement is blocked. On this basis the author proposes a reform model designed as a chain of intermediate institutions with a 10-15-year horizon, restoring the conditions of contingent consent through the differentiation of service tracks and the deliberate reorientation of digital infrastructure; its feasibility is tested by a mirror application of the same analytical matrix.

Key words: military service, political institution, institutional trap, contingent consent, institutional change, intermediate institutions, veto players, institutional transformation, manning of the armed forces.